

Х. Н. Момджиан

Из истории освободительных войн

Кто это заводить дерзает
о нашем рабстве разговор?
Из Марсельезы

Народ непобедим, если он сражается за правое дело, если своей борьбой он утверждает новый, более передовой строй общественной жизни.

Временные неудачи и поражения, лишения и муки не в состоянии сломить волю такого народа. Он так же непреодолим, как ход истории, через все зигзаги и случайности восходящий от низшего к высшему.

В XVIII веке французский народ своей титанической борьбой и победой еще раз подтвердил правоту сказанного. Окруженная со всех сторон, Франция в 1792—94 гг. отстояла себя против нашествия всей монархической Европы, сумела разгромить прусские, австрийские, английские, голландские, испанские, сардинские армии.

Как могло совершиться это чудо? Из какого животворящего источника черпала Франция свой благородный энтузиазм, свою веру в победу, свою сокрушающую мощь?

*
**

Со второй половины XVIII века старая феодально-помещичья королевская Франция быстро приближалась к своему краху. Назревало грандиозное социальное столкновение двух непримиримых враждебных сил. Против феодальной аристократии и духовенства, вооруженных грозным мечом абсолютной монархии, подымался ограбленный и оплеванный крепостниками французский народ. Феодальная система превратилась в реакционную силу, которая тормозила развитие промышленности, торговли и сельского хозяйства. Она стремилась задуть научную мысль, литературу и искусство.

Эта система должна была пасть, чтобы Франция могла обновиться, стать на путь прогресса и процветания. Это не входило в расчеты господствующих сословий, королевской власти. С помощью насилия они пытались отстоять старый прогнивший режим, но эти палаческие

усилия были напрасны. Старая Франция была обречена на смерть. Она должна была сойти с исторической арены.

Один из величайших революционных мыслителей века Дени Дидро, как бы прислушиваясь к рокоту отдаленного еще, но грозно надвигавшегося урагана, пророчески восклицал:

„Очнись король, очнись! Ты дремлешь на вулкане,
Прислушайся, что делается в стане:
Твой подданный любой лишь поневоле нем,
И не спасут тебя ни зоркая охрана,
Ни пышность выходов, ни обольщенья сана,
Порывов к мятежу не заглушить ничем“¹.

Семнадцать лет спустя после того, как были написаны эти слова, 14-го июля 1789 года началась одна из величайших революций в истории человечества.

В своем поступательном развитии эта революция уничтожила феодально-помещичий строй во Франции и послужила сильнейшим стимулом для гибели феодализма во всем мире.

В итоге революции передовой в свое время капиталистический способ производства вырвался из феодальных пут и получил, наконец, возможность проявить всю свою созидательную мощь.

Революция выдвинула Францию в авангард всего передового человечества, превратила ее в наиболее демократическую страну, в страну возвышенных идей и стремлений. „Это был величественный восход солнца“, — писал немецкий философ Гегель. — „Все мыслящие люди радостно приветствовали наступление новой эпохи. Торжественное настроение господствовало над этим временем, и весь мир проникся энтузиазмом духа“.

Париж стал символом надежды всех людей, задавленных и поработанных феодализмом. Из столицы „мятежной“ Франции раздавались чарующие слова о свободе и равенстве людей.

Революция шла по восходящей линии.

Весь мир с затаенным вниманием следил за бурлящим потоком событий, разыгравшихся во Франции. Грозный разлив народного гнева сносил до основания все то, что казалось вечным и неизменным. Вчера еще всемогущие и горделивые аристократы сегодня выброшены из страны, как бездомные бродяги. Еще один миг и голова „божьего помазанника“, короля Людовика XVI, оказывается в корзине палача гильотины².

Старая Европа со страхом и изумлением смотрит на безродных виленов, вчерашних портных и кровельщиков, подвигающихся в роли мудрых государственных деятелей.

Французская революция была революцией буржуазной, утвердившей в конечном счете капиталистический строй. Но поскольку она

¹ Дени Дидро. Собр. соч., том IV, стр. 526.

² Гильотина—машина для обезглавливания осужденных на смерть.

была направлена против ненавистного для народа крепостнического ига, постольку народные массы стали движущей силой этой революции и своей беззаветной борьбой придали ей немеркнущую славу и величие.

Феодальный замок должен был быть разрушен, чтобы могли жить крестьянские хижинки. Революция решилась на это. Она освободила 22 миллиона крестьян от феодальной эксплуатации. Она превратила эту огромную массу из рабов в граждан демократической республики. И нет ничего удивительного, что эти 22 миллиона стали самыми преданными солдатами революции.

Разъясняя причину невиданного героизма, проявленного французскими патриотами в их борьбе против всей монархической Европы, Ленин писал: „Побежденный феодализм, упроченная буржуазная свобода, сытый крестьянин против феодальных стран,— вот экономическая основа „чудес“ 1792—93 годов в военной области“¹.

Дети и внуки рабов, сами рабы еще вчера—французские плебеи вкусили от древа свободы, и вновь одеть на них ошейники феодальных повинностей было делом безнадежным. Люди были готовы безропотно переносить любые тяготы и испытания, ибо сражались за новую Францию, которая обещала свободу, равенство и братство, уничтожение нищеты и голода. Мы увидим ниже, что в условиях буржуазной революции эти обещания оказались и не могли не оказаться иллюзией. Но тогда мало кто сомневался, что стоит в преддвериях царства свободы, и эта уверенность рождала героев.

* * *

Невозможен был сколько-либо длительный мир между новой Францией и монархической Европой. Рано или поздно эти два мира должны были вступить в смертельную схватку.

Европейские деспоты с ужасом наблюдали, как демократические идеи французской революции через все преграды и рогатки проникали в их собственные владения, будоражили умы, внушали крепостным веру в близость своего избавления.

Под влиянием французской революции начались народные волнения в соседних странах. В Пьемонте до того „благочестивые“ крестьяне заговорили языком настоящих французских санкюлотов².

„Мы,—угрожали они,—третье сословие,³ и если дворяне не будут сидеть смиренно, мы сожжем их замки“.

¹ Ленин. Соч., т. XXII, стр. 263.

² Санкюлот—дословно означает: человек, который не носит коротких штанов. Такие штаны в отличие от „простонародия“ во Франции носили представители аристократии. Санкюлотами были прозваны революционно настроенные люди из народных низов.

³ Третье сословие. В дореволюционной Франции было три сословия: аристократия, духовенство и так называемое третье сословие, к которому относились все остальные слои населения (буржуазия, ремесленники, крестьяне, рабочие).

До поры до времени соседние с Францией феодальные государства не спешили вмешиваться в ее внутренние дела. Они утешали себя мыслью, что революция ослабит военную мощь Франции, сделает ее хилой и беспомощной перед грядущей интервенцией. Ход событий однако опрокидывал надежды любителей легкой наживы. Франция становилась опасной с каждым днем.

При сочувствии остальных европейских деспотов австрийский император и король прусский начали подготавливать нападение на Францию.

18-го апреля 1792 года началась война между Францией и Австрией.

Война разразилась в условиях, совершенно невыгодных для французского народа. Власть в стране находилась еще в руках представителей крупной буржуазии. Король еще сидел на троне и со всей дворцовой камарильей подготавливал поражение Франции. Страна кишмя кишела контрреволюционными организациями, иностранными шпионами, провокаторами и диверсантами. Руководящую роль в армии играл генерал Лафайет, тот самый, который несколько месяцев до начала войны расстрелял патриотов на Марсовом поле.

Неслучайно поэтому, что с самого начала войны французская армия терпела одно поражение за другим. Из 9 тысяч монархически настроенных французских офицеров 6 тысяч перебежало на сторону врага. В этих катастрофических условиях на Францию набросилась и Пруссия. Создалось почти безвыходное положение. Иноземные завоеватели шли уже по французской земле. Они держали курс на Париж. Французская армия беспорядочно отступала. Казалось, оправдывались слова Екатерины II о французах: „Бьюсь об заклад,—как-то заявила императрица,—что стоит только войску овладеть двумя домишками, и все эти овцы станут прыгать через палку в какую угодно сторону“.

Эти слова, однако, оказались столь же наглыми, как и несправедливыми.

Огонь испепеляет солому, но закаляет сталь. Огненной лавине врага противостояла стальная воля свободолюбивого народа, решившего умереть в бою или жить свободно.

25-го июля главнокомандующий коалиционной армией герцог Брауншвейгский обратился к французскому народу с манифестом, полным угроз, оскорблявших самую душу народа. Таким языком можно было говорить со сбродом босяков и бродяг, но не с народом, который осуществил великую революцию.

22-го июля 1792 года был оглашен декрет, об'являвший отечество в опасности. „В Париже с утра поднялся гул, подобно реву океана, взбушевавшегося с самого дна...“

Артиллерийским залпам, звукам труб, оглашавших воздух мрачными призывами, вторил великий, взволнованный голос народа.

Наступило время записи добровольцев...

Кругом люди всякого возраста, всякого состояния спешат, кричат: „Запишите меня! Запишите мою фамилию, мою кровь, мою жизнь! О, отчего я ничего больше не могу дать родине!“

Число записей было громадно. Являлись лазаристы, женатые люди, единственные сыновья. Опираясь на своих сыновей, пришел старик,—и все трое записались. Подростки, недостигшие установленного шестнадцатилетнего возраста, желавшие идти, как и прочие, просили, молили и, получив отказ, уходили со слезами бешенства на глазах. И тут же, среди мрачной радости этого воинственного племени были и они, очень печальные, бедные матери, отдавшие Франции все, что было у них самого дорогого на свете—плод чрева своего, всю свою душу¹.

Французский народ отлично понял, что орды врага несут ему цепи прежнего рабства, идут восстанавливать тот проклятый режим, который был разбит ценой стольких жертв и крови.

„Война 1792 года,—пишет товарищ Сталин,—была династической войной неограниченных королей-крепостников против республиканской Франции, испугавшихся революционного пожара в последней. Целью войны было потушить этот пожар, восстановить во Франции старые порядки и тем гарантировать перепугавшихся королей от революционной заразы в их собственных государствах. Именно поэтому сражались так самоотверженно революционеры Франции с войсками королей“².

На зов родины откликнулась вся страна.

Непрерывным потоком шли в Париж добровольческие ополчения из Лиона и Бордо, Тулона и Тулузы, из всех департаментов Франции. Пришли в столицу и марсельские федераты. Они принесли с собой чудесную песнь, сочиненную Руже де-Лилем. Это была вдохновенная, огнедышащая Марсельеза.

В этом великом музыкальном творении переплетались звуки набата и призывы горна, в нем слышалась победная дробь барабана и биение тысяч патриотических сердец. Только из огненной революционной стихии могли родиться столь волшебные звуковые сочетания. Незримые музыкальные образы Марсельезы отразили грозовую атмосферу эпохи, ее дух, ее стремительный порыв.

Люди в революционном экстазе слушали призывные слова Марсельезы:

О дети родины, вперед!
Настал день нашей славы,
На нас тиранов рать идет,
Поднявши стяг кровавый!
Вам слышны ли среди полей
Солдат свирепых эти крики?

¹ Луи Блан. История французской революции, том VI, стр. 393.

² И. Сталин. Сборник „На путях к Октябрю“. Изд. II, стр. 3.

Они сулят, зловеще дико,
 Убийства женщин и детей.
 К оружию, граждане! Смыкайтесь в ряды вы!
 Пусть крови вражеской напьются наши нивы!

И шли, все шли тысячи и тысячи патриотов, распевая свой победный гимн, шли с kloкочущей в сердце ненавистью, с гневными словами на устах:

Что нужно ей, орде рабов,
 И этих королей союзу?
 Готовят стыд своих оков
 Они давно уже французу!
 Да, то для нас! Какой позор!
 Великий гнев в сердцах пылает.
 Кто это заводит дерзает
 О нашем рабстве разговор?

Они были плохо обучены и одеты, но шли на фронт с непоколебимой готовностью не жалеть ни себя, ни врага.

Представляя этих людей Законодательному собранию, командир заявил: „Если бы я обращал внимание на внешний вид, рост многих из них был бы недостаточен для приема. Но я клал руку на сердце их, а не на головы, а сердца горели патриотизмом.“

Вся страна была охвачена невидимым энтузиазмом. „Все волнуются, все спешат, все горят желанием сразиться с врагом,—говорил Дантон с трибуны Законодательного собрания.—Набат гудит, но это не сигнал к тревоге, это угроза врагам отечества. Чтобы победить их, нужна смелость, смелость, еще раз смелость, и Франция будет спасена“.

Во временно захваченных врагом районах французские крестьяне вступили в яростнейшую партизанскую войну против незваных гостей.

У князя де-Линь, убитого в сражении, нашли недописанное письмо. „Нас,—писал де-Линь,—начинает утомлять война. Эмигранты¹ сулили нам легкий поход, но нам приходится воевать с линейными войсками, у которых нет ни одного дезертира, с ополчением, которое дает отпор; крестьяне все вооружены; они стреляют в нас, убивают, если встретят в одиночку или спящих в жилье“.

Враг продолжал продвигаться.

Новая Франция выпрямилась во весь свой исполинский рост. Но для того, чтобы победить, она должна была раздавить все то, что путалось под ногами, все то, что мешало ей проявить свою богатирскую мощь.

Это произошло 10-го августа 1792 года. Народная революция окончательно низвергла королевскую власть, правительство крупной

¹ Речь идет о французских аристократах, которые эмигрировали после революции из Франции.

буржуазии. Наряду с вновь созданным Законодательным собранием, где заседали преимущественно умеренные буржуазные элементы, существовала уже героическая Парижская коммуна, вышедшая из недр революционного народа и кровно связанная с народом.

Парижская коммуна олицетворяла власть революционного плебса. Она зорко следила за деятельностью Законодательного собрания, она явилась могучим рычагом мобилизации сил народа.

Несмотря на всенародное сопротивление, враг все еще продолжал наступать и неудержимо рвался к столице. Настал решительный час. Французы, чтобы отрезать пути продвижения прусских войск к Парижу, заняли проходы в Арагонском лесу. Главные французские силы расположились у местечка Вальми. 20-го сентября началось историческое сражение. Пруссаки перешли в наступление и попытались смять ряды французов. Герцог Брауншвейгский был уверен, что при одном виде грозной поступи частей прусской армии наспех вооружившиеся французские сапожники, лавочники, землекопы и прочая „шваль“ разбежится по домам. Каково же было изумление чванливых пруссаков, когда они наткнулись на уверенную защиту со стороны французов. Атаки прусских частей были отбиты. С криком „Да здравствует нация“ генерал Келлерман ринулся вперед и увлек за собой патриотов. Пруссаки остановились. Началась ожесточенная артиллерийская канонада с явным перевесом для французской стороны. Деморализованная прусская армия отступила. Это была первая победа Франции над армией интервентов. Жерла вальмийских пушек возвестили миру о непреклонной воле и готовности французского народа сражаться за свою свободу до конца.

Поэт Гете, который во время сражения под Вальми находился в прусском лагере, первым понял и оценил великое историческое значение победы французов. „На этом месте,—заявил он,—в этот день начинается новая эра в истории мира. Это—первая победа народа над королями“.

Австрийцам повезло не более пруссаков. Австрийские войска оперировали на севере Франции. Они осадили город Лилль, защитники которого обессмертили себя своим беззаветным мужеством. За короткое время по городу было пущено 60 тысяч ядер. Это была беспримерная в летописях предшествующей военной истории бомбардировка. От города почти ничего не осталось. Но он был попрежнему грозен и недоступен для врага. Французы защищали развалины города, как святыню. Под градом ядер, в дыму пожарищ город продолжал жить и драться споразительной стойкостью и хладнокровием. Когда австрийское ядро попало в зал, где заседал городской муниципалитет, один из заседавших поднялся с места и спокойно заявил: „Заседание продолжается“. И оно действительно продолжалось.

Исконная жизнерадостность и остроумие не покинули французов и в условиях, когда все обдавало дыханием смерти и, казалось,

жизнь отступала перед смертью. Рассказывают, что один лилльский парикмахер в момент бомбардировки поднял обломок только что упавшего снаряда, сделал из него поднос для бритвы и на том месте, где упал снаряд, обрил четырнадцать человек.

Чем больше упорствовал осажденный город, тем более свирепо, но столь же тщетно обстреливали его австрийцы. Они уподобились взбесившейся змее из басни, которая в припадке ярости пыталась перегрызть железный напилочек. Время, однако, работало против австрийцев. Часовая стрелка обернулась против них, как карающая секира. Они окончательно измотались и были вынуждены снять осаду города и поспешно отступить.

Французская армия перешла в долгожданное наступление. Армия генерала Кюстина форсировала реку Рейн и заняла вражеские города Майнц и Франкфурт-на-Майне. Армия генерала Дюмурье разбила австрийцев в сражении при Жемаппе и триумфально вступила в Бельгию, освободив бельгийцев от тяжелого и унижительного австрийского ига.

Таким образом, к концу 1792 года революционная Франция отразила первый натиск реакции. Война, однако, не была закончена. Впереди Францию ожидали новые и более суровые испытания.

*
* *

Война вызвала крайнее напряжение всех сил Франции. Она разрушила экономическую жизнь страны. Чувствовался острый недостаток на предметы первой необходимости. Стоявшие тогда во главе правительства члены оппортунистической буржуазной партии жирондистов мало заботились об облегчении участи народных масс. Они отказывались осуществить мероприятия для окончательного преодоления феодальных отношений в деревне, они саботировали борьбу против спекуляции, которая грозила обречь тружеников города на голодную смерть. Половинчатые жирондисты боялись народных масс, делали все от них зависящее, чтобы препятствовать дальнейшему углублению революции. Все это не могло самым разлагающим образом не отразиться на армии. И действительно, с весны 1793 года война вновь приняла угрожающий характер для французов. Казнь короля Людовика XVI послужила внешним поводом для усиления лагеря интервентов. Помимо австрийцев и пруссаков, против Франции ополчились Англия, Голландия, Испания и Сардиния. Россия не вступила в войну, но порвала все дипломатические отношения с Францией.

Под натиском окрепшего противника французская армия Кюстина была вынуждена покинуть пределы Германии. У границ Голландии была разбита армия генерала Дюмурье. Этот жалкий авантюрист, ставленник жирондистов, перебежал на сторону врага. Французы были вынуждены покинуть Бельгию. Смертельная опасность вновь

нависла над Францией. Вновь решался вопрос: сумеет ли новый, более передовой строй общественной жизни отстоять себя в предстоящей смертельной схватке со старым миром, или, быть может, он будет растоптан под ногами „детей мрака,—солдатчины реакции. С чувством глубокой тревоги за судьбы нового мира, новой Франции, поэт Т. Руссо писал:

„Опять властители Парижу
 Всей злобной сворою грозят.
 Страна моя! Ужель увижу
 Твое паденье и распад!
 Ужели смогут эти гунны,
 О боги!—храбрых победить
 И колыбель свободы юной
 Навек в могилу превратить?“

В этот грозный для страны час вспыхнуло злое контрреволюционное восстание в Вандее.

Сложившаяся обстановка властно требовала новой, более грандиозной мобилизации сил народа. Нужно было действовать быстро, решительно, нужно было беспощадно расправиться со всей внутренней контрреволюционной швалью, которая раз'едала мощь страны, подрывала обороноспособность Франции.

События показали, что жирондисты больше боялись своего народа, чем внешнего врага. Они якшались с предательскими элементами и свирепо травили революционную якобинскую партию, оскорбляли и унижали парижский демос—эту душу революции.

Жирондист Иснар, ослепленный ненавистью к революционной столице, угрожал разрушить ее до основания.

С трибуны Конвента¹ он осмелился заявить: „Скоро станут искать на берегах Сены, действительно ли существовал Париж?“

Случилось обратное. Скоро на скамьях Конвента стали искать депутатов Жиронды.

Народная революция 31-го мая—2-го июня 1793 года низвергла власть жирондистов. Двадцать два вожака этой партии были гильотинированы.

Начался новый этап революции, известный в истории под названием якобинской диктатуры. Руководящей партией в Конvente стали якобинцы. Об этом революционном конvente Ленин писал: „Конвент был именно диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты“².

Якобинская диктатура упразднила все феодальные права. По всей республиканской Франции запылали костры, на которых сжигались акты, подтверждавшие права господ феодалов. Общинные зем-

¹ Конвент — третье по счету Национальное собрание в эпоху французской буржуазной революции. Был создан 20-го сентября 1792 года.

² Ленин. Соч., т. IX, стр. 217.

ли были поделены подушно между крестьянами. Этими мероприятиями революция прочно завоевала крестьян на свою сторону.

Чтобы спасти трудящихся города от страшного бича дороговизны, Конвент установил всеобщий максимум, т. е. предельные цены на товары. Всякая попытка повышения этих цен каралась, как тяжкое государственное преступление.

Якобинской диктатуре было суждено историей отстоять Францию от свирепого натиска внутренних и внешних врагов. И сколько их было!

Сбежавшие из Парижа жирондисты вместе с монархистами подняли провинции против революционной столицы. Против республики восстали города Лион, Марсель, Тулон, Ним, Монтобань и другие. Вандейское восстание, организованное на деньги интервентов, разгоралось, как лесной пожар. Многотысячная армия мятежников продвигалась вперед, разрушая на своем пути все и сжигая все то, что нельзя было разрушить и растоптать. 6-го июня вандейцы захватили город Сомюр. Вслед за ним их добычей стал город Анжер. Окрыленные успехом, мятежники шли на Нант. Казалось, нет такой силы, которая сумела бы обуздать волчью ярость этих взбесившихся толпиц.

Летом 1793 года из 83 департаментов 60 не признавали власти Конвента. Пользуясь разгоревшейся гражданской войной, интервенты двинулись на Францию с севера, юга и востока. Кольцо гаротты душило Францию. Казалось, республика агонизировала.

Нужно было величайшее самообладание, мужество и решительность французского народа, чтобы завоевать себе право на жизнь. Нужно было иметь власть, которая оказалась бы на высоте положения и сумела бы повести народ на подвиг. Такая власть существовала. Это был якобинский Конвент во главе с таким признанным вождем, как Максимилиан Робеспьер.

Смелый, решительный, тесно связанный с народом — таков был этот безмерно великий Конвент. Укрепленный лагерь человечества, атакуемый всеми темными силами; сторожевой огонь осажденной армии идей; громадный бивуак умов, раскинувшийся над бездной. В истории не было ничего равного этой группе людей, этому слиянию верховной власти и черни, Совета старейшин и улицы, ареопага и рынка, верховного судилища и подсудимых.

Конвент всегда шел по ветру. Но этот ветер, это дуновение выходило из уст народа... (В. Гюго).

Нужно было действовать стремительно, ибо всякое „промедление было смерти подобно“.

Хватит ли времени, сумеет ли республика перегнать и сразить свою смерть?

Выступая в Конвенте, один из депутатов закончил свою речь словами: Республика есть не что иное, как большой осажденный город, — Франция поэтому должна сделаться обширным лагерем“.

Для осуществления этой задачи Конвент издал декрет, где говорилось: „Молодые люди пойдут сражаться на фронт. Женатые должны ковать оружие и подвозить продовольствие. Женщины будут готовить одежду, палатки и служить в госпиталях. Дети—готовить корпию из старого белья. Старики заставят выводить себя на площадь, чтобы возбуждать в воинах храбрость, ненависть к королям и напоминать о единстве республики“.

Началось всеобщее вооружение республики. За короткое время было сформировано четырнадцать армий. Миллион двести тысяч патриотов находились под ружьем. Эти грозные легионы неудержимо рвались в бой. „Весь народ,—пишет Ленин,—и в особенности массы, т. е. угнетенные классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом: войну *все* считали справедливой, оборонительной, и она *была на деле* таковой. Революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы“¹.

Любовь к родной земле заполняла сердца мужеством и самоотвержением. Это была та любовь, которая побеждает смерть. В глазах патриотов личная жизнь перестала быть высшим благом. Таковой стала жизнь родины. Своей смертью они стремились сразить смерть своей родины. Они умирали, чтобы могла жить Франция. Биологический инстинкт самосохранения должен был отступить перед возвышенным патриотическим сознанием.

Презрение к смерти стало отличительной особенностью солдат революции. Какими же пушками, после этого, можно было запугать этих людей, говоривших со смертью на „ты“!

Каждый из них знал, что дерется и умирает за честное, справедливое дело. Мысль о том, что сражается не только за свободу и благополучие своей отчизны, но за великое дело освобождения всех народов от ига тиранов, опяняла бойцов французской армии. Они шли в бой, гордо распевая:

„Не сломим железного шага,
Республика крепнет в боях,
Ведь судьбы всемирного блага
У Франции нынче в руках“.

Патриотический экстаз охватил не только бойцов, но и широкие народные массы в тылу. На укрепление фронта эти массы не жалели ничего. Сами едва одетые, они жертвовали армии свою одежду, обувь, деньги, оружие. Отцы и матери с гордостью рассказывали о своих сыновьях, об их подвигах на поле брани. От дезертиров люди отворачивались с презрением, если, к несчастью, они даже были близкими и родными людьми. „Один бедняк—уксусоторговец в Анжере, по фамилии Годэн, не мог предложить родине ничего, кроме своего сына: он отдал его, и молодой человек служил в Северной армии. Почувствовав непреодолимое желание повидаться со стариком отцом,

¹ Ленин. Соч., том XXI, стр. 190.

он без отпуска ушел из своего батальона и постучался в дверь родительского дома: „Кто там“? — „Твой сын“. — Лжешь, — отвечает отец, — „Мой сын на границе, перед неприятелем... Не отворю“.

Такими настроениями жил французский народ.

Каков же был моральный облик враждебного лагеря?

Разноликие и разноязычные толпы невольников, которых насильно согнали на поле брани сражаться за чуждое и неведомое им дело. Толпы невольников, которые были лишены идеи родины, ибо родина была для них глухой тюрьмой, местом юдоли и плача. Рабов гнали на смерть, чтобы ценой жизни своей одеть цепи рабства на свободных людей.

Что могло вдохновить солдатчину коалиции? Разве только „энтузиазм“ разбоя и наживы, т. е. узко эгоистический интерес. Но такой энтузиазм является движущей силой до тех пор, пока можно грабить безнаказанно. А коль скоро за чужое добро нужно расплачиваться высшим своим благом — жизнью, логика диктует грабителю отказаться от такой невыгодной сделки, и тогда разбойничий „энтузиазм“ неизбежно сменяется „пафосом“ бегства.

Участники антифранцузской коалиции с полным основанием не доверяли друг другу. Каждый стремился победить кровью другого. Каждый боялся быть обойденным во время дележа. Порой они были готовы перегрызть друг другу горло за шкуру неубитого медведя. Существовали глубокие противоречия между двумя основными силами интервенции — Австрией и Пруссией. Это взаимное недоверие и вражда самым существенным образом отражались на военной мощи коалиции, мешали созданию единого военного плана и единого командования.

Не более завидную картину представлял разношерстный лагерь внутренней контрреволюции. Для того, чтобы победить новую Францию, ее враги должны были повести крестьянскую массу против крестьянских интересов. Для осуществления этой нелегкой задачи оставалось только прибегать к лжи, к демагогии, к самому бесстыдному одурачиванию людей. Но „ложью свет пройдешь, да назад не вернешься“! Вскоре монархисты и жирондисты своей судьбой еще раз должны были подтвердить истинность этой народной поговорки.

Таким образом, историческая правда, энтузиазм, моральная стойкость были на стороне французов. Но одни эти качества были недостаточны, чтобы победить врага, на стороне которого был перевес вооружения, живой силы, материальных ресурсов и военной выучки.

Французская армия терпела острую нужду во всем. Не хватало ружей, пороха, обмундирования, съестных припасов. Не было фуража. Часто бойцы со слезами на глазах были вынуждены кормить обессиленных от голода коней своими скудными пайками хлеба. Целые полки были босые, в лохмотьях. Об этих бойцах Гюго сказал, что „они шли без страха в душе и без башмаков на ногах“. На одной из гравюр века художник изобразил босых солдат революции. Командир

читает им приказ о награждении наиболее отличившихся в бою... башмаками.

Таково было положение.

Нужно было в молниеносных темпах перестроить промышленность, целиком подчинить ее интересам фронта, разрешить продовольственный вопрос, реорганизовать армию, выковать кадры нового командного состава, технически перевооружить армию. Все это нужно было разрешить в условиях полной блокады, которая исключала какую-нибудь помощь Франции извне. Над осуществлением этих задач неустанно работал доблестный якобинский Конвент и его Комитет Общественного Спасения.

В начале войны французские вооруженные силы состояли из двух родов войск: из регулярных, так называемых линейных, оставшихся в наследство революции от старой королевской армии, и новых, волонтерских (добровольческих) отрядов. Если линейные войска отличались своей военной выучкой и дисциплиной, то волонтерские отряды были носителями революционного духа. Французское правительство амальгамировало (соединило) линейные войска с волонтерскими отрядами и создало единую дисциплину и единое командование. Революция уничтожила ту пропасть, которая существовала между солдатской массой и командным составом. Она открыла широкий простор для выдвижения в командный состав способных, смелых людей из народа и этим путем создала новое офицерство, новый генералитет. Так, знаменитый революционный генерал Лазарь Гош, сын отставного солдата, до революции был конюхом и рядовым солдатом. Генерал Журдан до революции был мелким лавочником, генерал Писшегрю — унтер-офицером.

Якобинцам удалось установить в армии железную революционную дисциплину. Неоценимую роль в реорганизации и дисциплинировании армии сыграли политические комиссары Конвента, наделенные чрезвычайными полномочиями, вплоть до права смещения командующих армиями. Беспощадной рукой комиссары пресекали всякую измену, паникерство, расхлябанность, они смещали негодных командиров и выдвигали на важные армейские посты преданных и одаренных людей. Комиссары воспитывали бойцов в духе непоколебимой верности Конвенту, революции. Личным примером они вдохновляли бойцов, сражаясь на передовых линиях огня. В знаменитом сражении под Гоншоотом, в наиболее критический момент, когда генерал Журдан был ранен и временно выбыл из строя, комиссар Конвента Дельбрель повел войска в решительную атаку.

Для достижения победы комиссары ни перед чем не останавливались. Комиссар Конвента Рейнской армии Сен-Жюст издал приказ, в котором говорилось: „Десять тысяч человек в армии босы. Нужно снять обувь со всех аристократов Страсбурга, и чтобы завтра в 10 часов утра 10 тысяч пар сапог были отправлены на фронт“. Приказ был выполнен. Бойцы получили сапоги.

В романе „Девяносто третий год“ Гюго воссоздал обаятельный образ одного из этих комиссаров.—Это Симурдэн. Стойкий нестигаемый революционер, который не останавливается перед тем, чтобы послать на гильотину любимого своего человека, своего воспитанника Говэна, жизнь которого он спасал, рискуя своей собственной жизнью. Но Говэн проявил слабость по отношению к врагу родины, нарушил приказ революционной власти, и Симурдэн голосует за казнь.

Комиссарам удалось полностью подчинить командование революционному Конвенту, приказы Комитета Общественной Безопасности должны были выполняться точно и беспрекословно. А Комитет приказывал своим генералам победить или умереть. В одном из циркуляров генералам (декабрь 1793 года) было сказано: „Революционное правительство, в составе которого нет предателей, увеличивает силы великой нации и удваивает ее способность одержать победу. Эта нация имеет право сказать тем, кому она вверила свою защиту: „Я приказываю вам одержать победу“.

Но для успеха, кроме воли к победе, нужно было иметь оружие. С лихорадочной энергией революционная власть ковала это оружие. Она мобилизовала людей науки. Ученые патриоты Бертолле, Гасенфратц, Вандермонд, Монж и другие с невиданным энтузиазмом работали на благо родины. Никогда, быть может, раньше наука не была так тесно связана с практикой, с интересами народа, который отстаивал свою жизнь, свою честь, свою независимость.

До революции Франция производила всего 4 млн. фунтов селитры, необходимой для изготовления пороха. Теперь же для удовлетворения запросов фронта нужно было производить в пять раз больше, т. е. 20 млн. фунтов селитры. Эти 20 млн. нужно было раздобыть только во Франции, ибо страна была осаждена неприятелем и отрезана от всего остального мира.

Французская наука взялась разрешить эту задачу и доблестно разрешила ее. Она изобрела новые способы добывания селитры и в четыре раза ускорила процесс изготовления пороха. Ученые в популярной форме раз'яснили населению способы получения селитры из почвы. Якобинский клуб обратился к патриотам с призывом срочно заняться добыванием селитры. Народ горячо откликнулся на зов и начал работать над тем, чтобы извлечь из земли молнию, которая должна была сразить тиранов. В эти дни десятки тысяч рук были заняты тем, что раскапывали землю в погребах и подвалах. Раскапывали также кладбищенские земли, наиболее богатые селитрой. Это было поистине знаменательное явление. Прах предков стал взрывчатым веществом. Ушедшие поколения по-своему сражались за Францию.

С каждым днем все больше появлялись на дверях надписи, извещавшие, что „живущие в этом доме граждане поставили свою долю селитры для избиения тиранов“.

Всенародные усилия не прошли даром. Вопрос с селитрой был

разрешен. Армия получила порошу столько, сколько ей было нужно. Патриоты-селитрианники принесли в Конвент первые партии селитры, раздобытые ими, руками их жен и детей. Они сложили и восторженно пели гимн селитре:

„Дрожите деспоты! Вот и порох
Для ваших башен и палат,
Его разрывы вот уж скоро
Всю вашу мощь испепелят!“

Французские химики нашли новый способ производства стали и отливки меди. С селитрианниками соревновались литейщики. Франция покрылась сетью многочисленных оружейных мастерских. День и ночь работали над производством ружей и пушек. Скоро двести пятьдесят восемь оружейных мастерских начали давать стране около тысячи ружей в день. За один год пушечно-литейные заводы дали стране 20 тысяч пушек.

Научная мысль лихорадочно искала новых средств обороны. Был изобретен световой телеграф. Впервые аэростаты были использованы для военно-воздушной разведки.

Франция не только технически перевооружилась, но создала также новую тактику боя. Французы отказались от линейной тактики боя, при которой, как говорит Энгельс, „вся пехота армии строилась тремя линиями в очень длинный, пустой внутри четырехугольник и двигалась в боевом порядке, только как одно целое; в крайних случаях дозволялось тому или другому флангу выдвинуться немного вперед или отступить. Эта неуклюжая масса могла продвигаться в порядке только по совершенно ровной местности, да и то довольно медленно (75 шагов в минуту)“¹.

Линейный строй в значительной степени был обусловлен качествами солдата-невольника, которого всегда нужно было иметь под неусыпным оком офицера. Линейное построение затрудняло бегство из рядов армии, увиливание от боя и т. д. Выработывая новую тактику сражения, французский генералитет мог не руководствоваться этими жандармско-надзирательскими соображениями. Он располагал солдатами-патриотами, которые сами рвались в бой.

Опираясь на опыт американской войны за независимость, французы взамен линейного строя избрали систему построения небольшими подвижными колоннами, что позволяло войскам сражаться в любой местности, быстрее двигаться, успешнее маневрировать. Колонный строй давал возможность быстро сконцентрировать войска на решающем участке фронта и решительным ударом опрокинуть противника.

В одном из своих выступлений Сен-Жюст заявил: „Военное искусство монархии нам не подходит. Теперь новые люди и новые вра-

¹ Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Собр. соч., т. XIV, стр. 171.

ги. И если французский народ страшен в своем порыве, в своей горячности, и если его враги тяжелы, холодны и медлительны, то его военная система должна заключаться в стремительности и в натиске“.

Стремительно-наступательной тактикой Франция обрушилась на своих врагов.

* * *

Первый удар был нанесен англичанам, ганноверцам и голландцам, которые во главе с герцогом Йоркским осадили чрезвычайно важный в стратегическом отношении порт Дюнкирхен (Дюнкерк). Защитники города решили драться до последнего человека. Они открыли шлюзы и затопили примыкающие к городу поля. Противник располагал значительными силами и положение города было угрожающим. Генерал Гушар получил приказание идти на помощь осажденным. Вокруг селения Гондшоот разыгралась кровопролитная битва. Селение несколько раз переходило из рук в руки. После двухдневных боев (8-го сентября 1793 года) победа досталась французским патриотам. Враг был отброшен назад с тяжелыми для него потерями. Дюнкирхен был освобожден. Интервенты потеряли порт, который самым коротким путем соединял Британские острова с Францией.

Теперь предстояло решить другую, более важную операцию. Нужно было освободить крепость Мобеж, которая была осаждена австрийцами. С падением этой крепости открывалась дорога к Парижу. Таким образом, под Мобежем решалась судьба Парижа и всей Франции. Это отлично понимали как французы, так и австрийцы.

Командующий австрийской армией принц Кобургский настолько был уверен в успехе, что хвастливо заявил: „Французы—гордые республиканцы,—если они выгонят меня отсюда, я сам сделаюсь республиканцем“.

Обе стороны тщательно готовились к решающей схватке. Французскими армиями командовал молодой революционный генерал Журдан. Молниеносной атакой французы опрокинули австрийцев и заняли плоскогорье Ватиньи. После двухдневного сражения осада Мобежа была снята. Принц Кобургский бежал. Австрийская армия получила такой потрясающий удар, от которого нелегко было оправиться. Северная граница Франции была обеспечена.

Другим опаснейшим участком борьбы на юге был французский порт Тулон, захваченный англо-испанским флотом при поддержке местных врагов республики. Французские войска под командованием генерала Дюгомье осаждали Тулон. Здесь впервые отличился 24-летний поручик Бонапарт, будущий император Наполеон I. Бонапарт предложил дерзкий план завоевания Тулона. Этот план в основном сводился к следующему: французы стягивают все свои силы и форсированно нападают на форт Эгиллету. Захватив форт, они превращают его в плацдарм для ожесточенного обстрела вражеского фло-

та. План Бонапарта был принят военным советом. Французы захватили Эгиллету и открыли такой ураганный артиллерийский огонь, что флот противника был вынужден скрыться, едва успев захватить с собой свой 15-тысячный гарнизон. 20-го декабря 1793 года Тулон был завоеван и возвращен республике.

Вслед за Журданом и Бонапартом отличился своими выдающимися военными дарованиями 24-летний генерал Лазарь Гош. На его долю выпала ответственная задача освобождения осажденной пруссаками крепости Ландау. Конвент обратился к Гошу с требованием: „Ландау или смерть“. Тысячи бойцов вслед за своим генералом ответили: „Точно так, Ландау или смерть!“

26-го декабря 1793 года крепость была освобождена. Разгромленная прусская армия повернула спину. Французы перешли за Рейн.

В Альпах и Пиренеях (испанский фронт) успехи французов были менее значительны. Война здесь шла с переменным успехом, но одно было совершенно ясно, что французский народ сумел вторично разгромить основные силы противника, отбросить их назад и самому подготовиться для продолжения войны на территории врага.

Попутно с борьбой против внешнего врага французская республика справилась и с внутренними врагами свободы. После ожесточенной и кровопролитной войны был надломлен хребет вандейского мятежа. Лион, Марсель и прочие взбунтовавшиеся города были покорены.

Наступил 1794 год, год блестящих побед французского оружия. 22-го мая генерал Пишегрю при Турне разгромил англо-голландские войска. Результаты этой победы были громадны. Французские войска вновь вошли в Бельгию и вслед за этим в Голландию. На своих штыках французские патриоты принесли свободу народам Бельгии и Голландии.

25-го июня столь же решительному разгрому подверглись австрийцы в битве при Флерюсе. Эта битва была самой ожесточенной и наиболее крупной за всю кампанию. Еще раз французские войска под Флерюсом показали всю свою неустрашимость и отвагу, образцы самоотверженности и любви к своей прекрасной демократической родине.

„В наших рядах, — писал один из героев Флерюса генерал Сульт, — энтузиазм усиливается по мере увеличения опасности. С самого начала действия и во все время сражения лозунгом авангарда было: „Не отступать сегодня, не надо отступлений“. Поэтому все, что сталкивалось с ним, было разбито. Окруженный кровавыми обломками, в дыму пылающего лагеря, со сброшенным с лафетов огромным количеством пушек, с беспрестанно взлетающими на воздух пороховыми ящиками, с траншеями, заваленными трупами, и беспрестанно возобновлявшимися атаками, этот авангард оставался неустрашимым; его не смутило даже окружавшее нас со всех сторон пламя горевшей деревни. Покрытые созревшим хлебом поля загорелись от нашего и неприятельского огня. Мы не знали куда стать, чтобы избежать по-

жара, но мы твердо решились выйти победителями из этого вулкана". И они действительно вышли победителями. Победа при Флерюсе явилась поворотной в истории освободительной войны. Отныне французы сражались на территории противника. Родина была спасена. Кровь патриотов была пролита недаром. Своей смертью им удалось спасти жизнь своей страны.

Ошеломленная, под мощными ударами французского оружия коалиция тиранов со временем должна была рухнуть. Битые и опозоренные горе-завоеватели должны были сложить оружие. Франция—победительница диктовала вчера еще грозным и горделивым врагам свои условия мира.

*
* *

В дни, когда советская страна ведет свою великую освободительную войну против орд германского фашизма, мы с чувством искреннего восхищения вспоминаем мужественные образы героев Вальми, Гондшоота и Флерюса. Нам близки и понятны эти отважные люди 1792—1794 годов. История их славных деяний вдохновляет нас, ибо при всех различиях существует и нечто общее между ними и нашим советским поколением. Их борьба против коалиции тиранов была такой же освободительной и справедливой, какой является наша Великая отечественная война против кровожадных полчищ фашизма. Как и они, люди страны Советов, в новых условиях, призваны историей в титанической схватке с ордами варваров отстоять культуру и цивилизацию, отстоять новый, более передовой строй общественной жизни. Как некогда Париж XVIII столетия, Москва высится сегодня как гордая и грозная цитадель передового человечества. В беспредельных русских степях, как некогда в Арагонских лесах, на берегах Мозеля и Рейна, огнем и железом решается исторический вопрос: сумеет ли старое, отжившее, реакционное задержать поступательное развитие человечества к высшим, к более совершенным формам человеческого общежития.

Вот, что роднит советский народ с французским народом XVIII века.

Но наряду с этим нельзя забывать и то принципиальное, что различает исторические миссии двух этих народов.

Французская буржуазная революция конца XVIII века была направлена против феодальных форм эксплуатации человека человеком, но не классовой эксплуатации вообще. Эта революция утвердила более передовой общественный строй—капитализм, но нельзя забывать, что опять-таки строй, основанный на эксплуатации человека. Французская буржуазная революция обещала народу больше, чем она была в состоянии дать. Провозглашенные ею принципы равенства, братства и свободы не могли не оказаться иллюзией, неосуществимой мечтой, коль скоро сохранялась частная собственность, классы и классовая эксплуатация.

Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожив все и всяческие формы эксплуатации человека, принесла миллионам людей нашей страны не только широкие и подлинные демократические свободы, но избавила их от голода и нищеты, открыла перед ними просторы к счастью и радости.

Еще в 1845 году Энгельс писал, что гражданин грядущей коммунистической страны будет „защищать *действительное* отечество, действительный очаг, что он следовательно будет бороться с воодушевлением, со стойкостью, с храбростью, перед которым должна разлететься, как солома, механическая выучка современной армии“.

„Вспомните,—писал Энгельс,—какие чудеса совершал энтузиазм революционных армий от 1792 до 1799 года, которые боролись только за иллюзию, за мнимое отечество, и вы должны будете понять, как сильна должна быть армия, которая борется не за иллюзию, а за реальную действительность“¹.

Слова Энгельса оказались пророческими.

По первому зову партии миллионы людей нашей страны оцетинились штыками и пошли навстречу коварному врагу.

И теперь весь мир с восхищением смотрит на вооруженный советский народ, творящий чудеса храбрости и отваги. Бледнеют страницы Гомера перед беспримерной героической эпопеей народов страны Советов. Героизм стал массовым явлением в стане армий рабочих и крестьян, в вооруженном лагере, который называется СССР. Каждый защищаемый бугор, каждая ложбина родной земли рождает героя. Так могут драться поистине свободные люди, так можно драться за нечто безмерно великое и святое, так можно драться за правду. И это так! Никогда еще в истории человечества ни одному народу не приходилось сражаться за столь справедливое дело, за которое сражается сейчас советский народ. Он отстаивает общественный строй, который был сокровенным идеалом сотни прошедших поколений. Он отстаивает не только свою жизнь, свободу и честь, но будущность человечества, его завтрашний день, его мечту.

Никогда ни один народ не имел против себя такого омерзительного врага, каковым является враг советского народа, враг человечества и человечности—германский фашизм.

В сокровищнице народного творчества имеется многозначительная легенда о драконе, который пробрался к истоку многоводной реки и испоганил ее воды. Река продолжала течь по своему многовековому руслу, но теперь она вместо кристально чистой, животворящей влаги приносила грязную, ядовитую тину. Река теперь приносила увядание и смерть всему живому. Не напоминает ли гитлеризм этого дракона из легенды? Выползши из мрачной пещеры средневекового варварства, это коричневое чудовище пытается испоганить и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. III, стр. 278.

отравить истоки жизни народа, обречь их на увядание и смерть.

Никогда этому не бывать!

На бой за свою свободу, за жизнь человечества и человеческого прогресса поднялся такой великан, каковым является Союз Советских Социалистических Республик. Это он ныне призван историей отстоять знамя свободы, разума и культуры. Никогда советский народ не был так спаян и един, как сейчас. Он тесно сомкнул свои ряды вокруг партии большевиков, партии победы. Его ведет человек, который олицетворяет мудрость, силу, отвагу миллионов свободных людей. Его ведет Сталин.

Напрасно беснуется враг. Преждевременны его хвастливые заявления. Сквозь эти чванливые бравады мы слышим протяжный вой раненого шакала.

Временные неудачи не обескуражили советский народ, его армию. Если эта армия была вынуждена под давлением врага отступить, то это отступление оказалось подобным сжатию боевой стальной пружины, которая скоро выпрямилась со всей катастрофической для врага силой.

Фашизм будет разгромлен, ибо в борьбе против взбесившихся фашистских псов СССР имеет на своей стороне такие могущественные державы, как Англия и США. Против гетлеровской Германии и ее вассалов ополчилось все передовое человечество. В антифашистском лагере находится также французский народ.

Отечественная война 1792—94 гг. оставила глубокий след во всей последующей жизни этого народа. Воспоминания об этой грандиозной битве за свободу и независимость передавались из поколения в поколение, закаляли душу народа, заполняли его сердце законной гордостью за своих предков и их легендарный подвиг. Проходили десятилетия за десятилетиями, но дух Марсельезы никогда не покидал французский народ. Этот дух свободы не был подавлен сапогом бисмарковской солдатчины. В 1871 году он взвился красным знаменем Коммуны, ибо коммунары сражались не только против своих отечественных эксплуататоров, но и против иноземного прусского насильника. В войне 1914—18 гг. Франция развеяла в прах грабительские планы кайзеровской Германии.

Кто может поверить в „призвание“ авантюриста Гитлера и его омерзительных холопов—Петэна, Дарлана, Лавалья, Деа и прочей швали, омрачить светлый разум такого благородного и свободолюбивого народа, каким является народ Франции? Кто может поверить, что можно приучить к рабству народ Баярда и Жанны Д'Арк, Робеспьера и Марата, Бабефа и Бланки, Барбюса и Кашена, приучить к рабству народ, для которого независимость и свобода всегда были важнее хлеба. В это могут поверить разве только гитлеровские дурачки из Берлина!

Французский народ предан бандой изменников, он впал в жестокое порабощение, но не сдался, не смирился и никогда не смирится.

ся со своей тяжелой участью. Современная Франция больше похожа на бурлящий котлован патриотических страстей, на грозный готовящийся к схватке лагерь, чем на „умиротворенную“ германскую провинцию.

В связи с покушением французского патриота Коллета на предателей французского народа, Лавалья и Деа, газета „Журналь де Деба“ писала: „Отдельные трагедии предшествуют грандиозным пожарам, во Франции готовится грандиозный взрыв“. Политический барометр во Франции показывает на бурю. Французские ставленники Гитлера, марионетки из правительства Виши, окружены всенародным презрением. Когда некоторые из этих шутов осмелились показаться в одном из французских городов, патриоты-демонстранты встретили их возгласами: „Долой предателей! Позор изменникам!“ Часть демонстрантов была арестована полицией. Под усиленным конвоем патриотов вели в полицейский участок. Они шли с гордо поднятыми головами, приветствуемые народными массами. Смелчаки запели Марсельезу. Гимн был подхвачен массами и уже никакие полицейские свистки, крики и угрозы не могли заглушить слов великого творения Руже Де-Лилля:

„Великий гнев в сердцах пылает.

Кто это заводить дерзает

О нашем рабстве разговор?“.

Французский народ решительно отказался „сотрудничать“ с немецкими оккупантами. Он скопляет силы для грядущей схватки против ненавистных бошей.

Факты, описанные известным французским писателем Жан Ришар Блоком, ярко характеризуют умонастроение французов наших дней. „В Амьене (город на севере оккупированной Франции), важном железнодорожном узле, где сходятся пути на Калэ, Брюссель, Голландию и т. д., недели две тому назад вдруг распространился слух— на побережье высадились английская армия. Слух этот оказался ложным, или по крайней мере преждевременным. Было ли это провокацией или простым недомыслием, об этом мы узнаем впоследствии, но этого слуха было достаточно, чтобы восстало все население. Рабочие уходят с заводов, железнодорожники сбегают со станции, женщины выбегают из квартир, откуда ни возьмись появляются револьверы, охотничьи ружья. Уже нападают на отдельных солдат, их убивают. Дом, где помещаются немецкий штаб и комендатура, подвергается осаде его разносят. Фашистское командование вынуждено вызвать на помощь войска, чтобы подавить восстание в городе“¹.

Германские оккупационные власти и их французские приказчики пытаются устроить патриотов дикими репрессиями, арестами и расстрелами. Фашистские палачи никак не могут понять, что этим кровожадным террором они только сплывают против себя Францию, приближают час поистине страшного возмездия. Французские патри-

¹ Газета „Правда“, № 335 от 3 декабря 1941 года.

оты борются и умирают с поразительной стойкостью и бесстрашием. Известный французский коммунист Габриэл Пери в своем посмертном письме писал: „Пусть мои друзья знают, что я остался верным тому идеалу, который я чтит всю жизнь. Пусть мои соотечественники знают: я умер для того, чтобы жила Франция. В последний раз я спрашиваю свою совесть. У меня нет угрызений совести. Я хотел бы, чтобы вы сообщили об этом всем: я пошел бы по тому же пути, если бы мне пришлось начинать сначала. Через несколько минут я принесу свою жертву, которая приблизит наступление лучезарной зари. Я с твердостью смотрю в лицо смерти, прощайте. Да здравствует Франция“.

По сообщениям подпольной газеты „Ля либерасьон“, замученный, разбитый туберкулезом Пери, едва стоявший на ногах, умер с песней на устах. Так можно умирать лишь будучи непоколебимо уверенным в правоту своего дела, в его неминуемое торжество.

В ответ на репрессии французы отвечают репрессиями. Непрерывающиеся убийства германских офицеров и солдат, расправа с изменниками, диверсионные акты на заводах и фабриках, работающих на немцев, организация крушений немецких воинских составов, уничтожение французскими крестьянами урожая, отобранного у них фашистами, таковы разнообразные формы борьбы французов против своих поработителей. С каждым днем „правительство национальной измены“, возглавляемое ренегатом Петэном, теряет власть над массами. С каждым днем растут симпатии французов к армии генерала Де-Голля, которая далеко за пределами родины сражается за Францию. Весьма симптоматично, что достаточно было одного призыва генерала Де-Голля, чтобы 31-го октября 1941 года замерла вся жизнь во Франции. В установленный час остановились фабрики и заводы, трамвай и метро. В этот час каждый патриот, в какой бы части Франции он ни находился, в той или иной форме выражал свою солидарность с освободительным движением.

Несмотря на остервенелые попытки гестапо и подведомственной ему петэновской полиции, не удалось уничтожить антифашистскую прессу. Жива доблестная газета французской компартии „Юманите“. 200.000 тиражем издается газета „Ля либерасьон“. Другая подпольная газета выходит под многозначительным названием „Вальми“ в память исторического сражения и победы французов над пруссаками 20-го сентября 1792 года. Эти газеты несут французскому народу правду о фашизме, они рассказывают французам о героической борьбе Красной Армии против гитлеровских полчищ. Нужно ли говорить, что все симпатии французского народа на стороне Советского Союза, ибо каждый француз отлично понимает, что Красная Армия сражается не только за честь и независимость своего народа, но и за избавление всех народов, временно закабаленных гитлеризмом.

В упомянутых выше описаниях Жана Ришара Блока имеется один весьма знаменательный факт, свидетельствующий о неразрывных

узах дружбы между французскими патриотами и Советским Союзом. „Французские военнопленные—люди пожилые, больные и тяжело раненные пересекают Германию в поезде. Их направляют во Францию, где они по условиям перемирия будут освобождены. В поезде едут офицеры и солдаты. Целый год они томились в плену в лагерях. Их кормили впроголодь, они терпели жестокое обращение. Теперь их отпускают из плена. Они возвращаются на родину к своим семьям. Как они ждут этой встречи!

Поезд остановился на одной из станций. И вот, на встречном пути подходит и останавливается другой воинский поезд, идущий на восток. Военнопленные с любопытством подходят к этому поезду. Как же их удивило, когда они услышали звук родной речи. Говорят на французском языке, едут соотечественники— французы! При этом известии возвращающиеся на родину военнопленные выбегают из вагонов и смешиваются с вновь прибывшими. „Откуда вы едете, кто вы такие, куда вас везут?“—несутся со всех сторон вопросы. Тут выясняется, что вновь прибывшие—это пресловутые „добровольцы“, завербованные Дорио, Лавалем и Делонклем. Это—продажные шкуры, согласившиеся за плату итти под флагом с немецкой свастикой воевать против Красной Армии.

Из толпы раненых и больных несутся возгласы возмущения и негодования—„Изменники!“ „Мерзавцы!“ „Продажные твари!“. Военнопленные знают, чем они рискуют, знают, что теряют всякую надежду увидеть родину, близких. Но голос чести, патриотизма берет верх. И эти инвалиды войны набрасываются с кулаками на здоровых „воjak“, которые, струсив и растерявшись, не смели даже защищаться. Изменников осыпают ударами. Прибывшая немецкая охрана разнимает участников этого нового сражения, уносит пострадавших—все они из „добровольцев“ Дорио. Победителей этой необычайной битвы бросают в тюрьму“.

Франция идет навстречу крупным политическим событиям. Выстрелы в фашистских сатрапов, вооруженные стачки и демонстрации являются зарницами завтрашнего всенародного пожара. Франция идет навстречу своей новой отечественной войне против фашизма, и в этой священной схватке ее сынов будут осенять образы бессмертных предков, мужественных людей 1792—94 годов.

Фашизм будет разгромлен. История развивается по восходящей линии. Никаким варварам, даже вооруженным смертоносной техникой XX века, не удастся нарушить логики истории, ее властного движения вперед.